История философии

History of philosophy

УДК 1(091)

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ А. ШОПЕНГАУЭРА

А. В. РУБАНОВ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Изложены взгляды А. Шопенгауэра на понятие «житейская мудрость». Выявлено, что философ, вопреки своей метафизико-этической точке зрения, рассматривает его в качестве искусства провести жизнь как можно приятнее и счастливее. Показано, что счастливая жизнь человека связана с тем, кем он является как личность, а также с его отношением к собственности и мнению других людей. Названы два главных фактора, препятствующих достижению счастья, – боль и скука. Первый фактор соотносится с состоянием здоровья, второй фактор – с внутренней пустотой. Указано, что преодоление внутренней пустоты заключается в формировании духовных потребностей, благодаря которым жизнь человека наполняется смыслом. Приведены практические советы А. Шопенгауэра по достижению счастья.

Ключевые слова: житейская мудрость; счастье; личность; потребности; паранезы; максимы.

THE WORLDLY WISDOM OF A. SCHOPENHAUER

A. V. RUBANAU[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The views of A. Schopenhauer on the concept «worldly wisdom» are presented. It is revealed that the philosopher contrary to his metaphysical-ethical point of view considers this term as an art of spending life as pleasantly and happily as possible. It is shown that a person's happy life is connected with who he is as a person, as well as with his attitude to property and the opinion of other people. Two main factors that hinder the achievement of happiness (pain and boredom)

Образец цитирования:
Рубанов АВ. Житейская мудрость А. Шопенгауэра. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2025;1:4–15.
EDN: SYELNU

For citation:
Rubanau AV. The worldly wisdom of A. Schopenhauer. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;1:4–15. Russian.
EDN: SYELNU

Автор:
Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-4821-1937

are named. The first factor correlates with the state of health, the second factor correlates with inner emptiness. It is pointed out that overcoming the inner emptiness consists in the formation of spiritual needs thanks to which a person's life is filled with meaning. Practical advice of A. Schopenhauer on achieving happiness is given.

Keywords: worldly wisdom; happiness; personality; needs; paranesis; maxims.

В работе «Афоризмы житейской мудрости», являющейся «наставлением в счастливом существовании», А. Шопенгауэр определяет понятие «житейская мудрость» как «искусство провести свою жизнь возможно приятнее и счастливее» [1, с. 10]. Прежде чем раскрыть обозначенную тему мыслитель разъясняет свою принципиальную позицию: «Возникает вопрос, соответствует ли человеческая жизнь понятию о таком существовании… моя философия, как известно, отвечает на этот вопрос отрицательно… <…> Поэтому, если я все-таки принимаюсь за такого рода сочинение, мне надлежит совершенно покинуть ту высшую, метафизико-этическую точку зрения, к которой, собственно, должна вести вся моя философия. Все, следовательно, приводимые здесь рассуждения основаны до известной степени на компромиссе…» [1, с. 10–11].

Философ начинает размышление с утверждения о том, что «…то, от чего зависит разница в жребии смертных, может быть… сведено к трем основным пунктам. Вот они:

1) что есть индивид, то есть личность в самом широком смысле слова. Сюда относятся, следовательно, здоровье, сила, красота, темперамент, нравственный характер, ум и его развитие;

2) что имеет индивид, то есть всякого рода собственность и владение;

3) чем индивид представляется… …Здесь мы имеем дело с… мнением о нем, которое проявляется в троякой форме… честь, ранг и слава» [1, с. 13]. Раскрывая понимание того, что есть индивид, А. Шопенгауэр выдвигает тезис, лежащий в основе его системы взглядов: «Для счастья нашей жизни первое и самое существенное условие – то, что мы есть, наша личность…» [1, с. 20–21]. Данная мысль развивается им следующим образом: «…личность и ее достоинство – вот единственное, с чем непосредственно связано… благополучие. <…> Поэтому-то зависть, направленная на личные преимущества, бывает наиболее непримиримой, да и скрывают ее всего тщательнее. <…> …Несчастье, всецело зависящее от внешних обстоятельств, мы переносим с большей твердостью, чем вызванное собственной виною… <…> …Важнейшим условием для нашего счастья являются, следовательно, субъективные блага: благородный характер, способная голова, счастливый нрав, бодрое настроение и хорошо сложенное, вполне здоровое тело, то есть вообще mens sana in corpore sano (здоровый дух в здоровом теле. – *А. Р.*)» [1, с. 28]; «…самый ближайший путь к счастью – веселое настроение, ибо это прекрасное свойство немедленно вознаграждает само себя. <…> …Если он (человек. – *А. Р.*) весел, то безразлично, молод ли он или стар, строен или горбат, беден или богат, – он счастлив. <…> По этой причине мы должны широко раскрывать свои двери веселью, когда бы оно ни являлось, ибо оно никогда не приходит не вовремя» [1, с. 29].

А. Шопенгауэр связывает счастливое состояние человека с его здоровьем: «Вообще же нашего счастья зависят исключительно от здоровья» [1, с. 32]; «Здоровью отчасти родственна по своему значению красота. Хотя, собственно, это субъективное преимущество содействует нашему счастью не прямо, а лишь косвенным путем, через впечатление на других, оно все-таки имеет большую важность, даже для мужчины» [1, с. 37].

Философ сопровождает размышления о счастливой жизни утверждением о том, что препятствует ее достижению: «Самый общий взгляд на жизнь укажет нам на двух врагов человеческого счастья – боль и скуку» [1, с. 37]. Он подчеркивает взаимосвязь данных явлений: «…жизнь качается, подобно маятнику, взад и вперед между страданием и скукой, на которые действительно распадается в своих последних элементах вся жизнь. Это нашло себе замечательное выражение и в том, что, когда человек отнес все страдания и муки в ад, для неба не осталось ничего, кроме скуки» [2, с. 298]. Рассматривая этот тезис с точки зрения социальной жизни, мыслитель пишет: «Как нужда – постоянный бич народа, так скука – бич знатных. В обыденной жизни скука представлена воскресеньем, а нужда – шестью днями недели» [2, с. 300]. По мнению А. Шопенгауэра, источником скуки является внутренняя пустота. Для пояснения данной мысли он сравнивает два возможных образа жизни: «Человек с богатым внутренним миром прежде всего будет стремиться к отсутствию боли, досады, к покою и досугу, то есть изберет тихое, скромное, но по возможности свободное от тревог существование и потому после некоторого знакомства с так называемыми людьми будет избегать общения с ними, а при большом уме – даже искать одиночества. <…> Представитель другой крайности, коль скоро у него не стоит за плечами нужда, во что бы то ни стало гонится за забавами и обществом и легко довольствуется всем, ничего не избегая так старательно, как самого себя» [1, с. 40]. Именно внутренней пустотой объясняется погоня за всякого рода развлечениями, удовольствием и роскошью. Например, «такими именно мотивами служат *игры*…» [1, с. 41]. Философ переносит тему карточного азарта на общее состояние общественной жизни, когда говорит, что «…дух игры

заключается именно в том, чтобы всячески, всеми хитростями и уловками выиграть у другого его деньги. А привычка поступать так в игре укореняется, проникает в практическую жизнь…» [1, с. 43].

Исследуя природу человека, А. Шопенгауэр выделяет следующие источники возможных наслаждений: «…во-первых, наслаждения *репродуктивной силы*… заключаются в еде, питье, пищеварении, покое и сне. <…> Во-вторых, удовольствия *раздражимости*… заключаются в ходьбе, прыганье, борьбе, танцах, фехтовании, верховой езде и всякого рода атлетических играх, а также в охоте и даже в сражениях и войне. В-третьих, удовольствия *чувствительности*… заключаются в созерцании, мышлении, чувствовании, занятии поэзией, изобразительными искусствами, музыкой, в учении, чтении, размышлении, изобретении, философствовании и т. д.» [1, с. 50]. Философ отдает первенство духовным наслаждениям: «…человек, одаренный преимущественно духовными силами, живет жизнью полной мысли, проникнутой одушевлением и смыслом… <…> …Такой человек имеет в сравнении с другими новую потребность – учиться, видеть, изучать, размышлять, совершенствоваться…» [1, с. 52–53]. Он отмечает, что «жизнь остальных людей проходит в тупой монотонности, так как их помыслы и усилия всецело направлены на мелочные интересы личного благополучия, а потому на всякого рода пустяки, так что ими овладевает невыносимая скука, как только они перестают заниматься этими целями и должны иметь дело с самими собою» [1, с. 52]. Для обозначения человека без духовных потребностей мыслитель вводит термин «филистер».

Переходя к вопросу о том, что имеет индивид, А. Шопенгауэр приводит выделенные Эпикуром, «учителем счастья», классы человеческих потребностей: «Во-первых, потребности естественные и необходимые… Сюда относятся, следовательно, лишь victus et amictus (пища и одежда). Они легко находят себе удовлетворение. Во-вторых, потребности естественные, но не необходимые: это потребность в удовлетворении полового чувства… Удовлетворить эту потребность уже труднее. В-третьих, потребности ни естественные, ни необходимые: это потребности роскоши, пышности, великолепия и блеска; они не имеют границ, и их удовлетворение сопряжено с большой трудностью» [1, с. 67]. Последний класс потребностей становится предметом рассуждений философа: «Затруднительно, если не невозможно, установить пределы наших разумных желаний касательно имущества. Ибо удовлетворенность каждого отдельного человека в этом отношении зависит не от абсолютной, а от чисто относительной величины, именно от соответствия между его притязаниями и его достоянием…» [1, с. 67–68]. Он показывает относительность человеческих притязаний на конкретном примере: «Вот почему огромное состояние богатых не является предметом вожделений бедняка, а… богач, если не осуществятся его планы, не находит себе утешения в том многом, что у него уже есть» [1, с. 68].

Дальнейшая логика размышлений приводит А. Шопенгауэра к анализу механизма формирования желаний: «Богатство подобно морской воде: чем больше ее пьешь, тем сильнее становится жажда. То же самое и со славой. После утраты богатства либо благосостояния, коль скоро пережиты первые минуты горя, в нашем обычном настроении не заметно бывает большой разницы с прежним; это происходит потому, что, после того как судьба уменьшит фактор нашего имущества, мы сами в равной мере сокращаем фактор своих потребностей. <…> Наоборот, при удаче пружина наших вожделений развертывается, и они растут: это связано с радостью. Но и она длится не дольше, чем пока вполне завершится эта операция: мы привыкаем к расширенному масштабу потребностей и уже равнодушно относимся к соответственно умноженному достоянию» [1, с. 68–69]. Философ указывает на своеобразную черту мира человеческих желаний: «Людям часто ставится в упрек, что их желания направлены главным образом на деньги, которые они любят больше всего другого. Однако ведь… естественно, даже прямо неизбежно любить то, что… во всякую минуту готово превратиться в любой предмет наших изменчивых желаний и многоразличных потребностей. <…> Одни деньги – абсолютное благо: они отвечают не какой-нибудь потребности in concreto, а потребности вообще, in abstracto» [1, с. 70]. Мыслитель останавливается на причинах различий в отношении к богатству и на вытекающих из них особенностях жизненной позиции и поведения: «…человеку, от рождения окруженному богатством, последнее представляется как нечто необходимое, как условие единственно возможной жизни, как воздух; поэтому он хранит его, как свою жизнь, и оттого большей частью обнаруживает любовь к порядку, предусмотрительность и бережливость. Наоборот, кому от рождения уделом была бедность, тот в ней видит естественное состояние, а в доставшемся после богатстве – нечто излишнее, годное лишь для наслаждений и мотовства; если оно опять исчезнет, человек, как и прежде, станет обходиться без него, еще освобожденный от лишней заботы» [1, с. 72–73].

При рассуждении о том, каков человек в представлении других, А. Шопенгауэр констатирует, что «нашему бытию во мнении других обычно… придается слишком большое значение» [1, с. 79]. Выражая свое отношение к данному факту, он пишет: «…желательно… по возможности умерить такую чувствительность к чужому мнению – будет ли оно лестно, будет ли оно обидно… Иначе человек остается рабом чужого мнения и чужого суждения» [1, с. 80]. Повышенное внимание к чужому мнению «…проявляется главным образом в трех формах: в виде честолюбия, тщеславия и гордости. Разница между двумя

последними состоит в том, что *гордость* – это уже закрепившееся сознание обостренного превосходства в каком-либо отношении, *тщеславие* же – это желание привить подобное убеждение другим, сопровождающееся большею частью скрытой надеждой, что оно таким путем может обратиться и в наше собственное» [1, с. 90]. Философ четко высказывается о гордости: «Хотя гордость всюду вызывает против себя порицание и осуждение, я полагаю тем не менее, что последние исходят преимущественно от тех, у кого нет ничего, чем они могли бы гордиться» [1, с. 91].

Мыслитель указывает: то, что мы есть в глазах других, можно «подразделить на *честь*, *ранг* и *славу*» [1, с. 94]. Ранг, «сколь ни важен он в глазах толпы и филистеров и сколь ни велика его польза в механизме государственной машины», является «условным, то есть, собственно, вымышленным, достоинством: его эффект заключается в поддельном почтении, и, в общем, это просто комедия для толпы» [1, с. 94].

А. Шопенгауэр определяет честь как «…мнение других о нашем достоинстве, а субъективно – наш страх перед этим мнением. В этом последнем отношении она часто оказывает в человеке чести очень благотворное, хотя и вовсе не чисто моральное влияние» [1, с. 95]. Он объясняет причины повышенной чувствительности людей к чести тем, что отдельный человек «…лишь в сообществе с другими представляет… собою нечто могущественное. …И в нем возникает тогда стремление считаться дельным членом человеческого общества… А этого он достигнет в том случае, если он… делает то, чего требуют и ожидают от всех вообще, затем то, чего требуют и ожидают от человека в том особом положении, какое он занимает. <…> …Ничто в такой мере не поднимает его жизненной энергии, как достигнутая либо восстановленная уверенность в благоприятном мнении других людей, ибо она обещает ему защиту и помощь соединенных сил всего человечества, которые служат бесконечно большей гарантией против житейских зол, чем одни его собственные силы» [1, с. 96–97].

Выбрав в качестве критерия различные отношения, в которых человек может находиться с другими людьми, философ выделяет гражданскую, служебную и половую честь. Он отмечает, что «…честь в известном смысле имеет *отрицательный* характер, именно как противоположность *славе* с ее *положительным* характером. Ибо честь есть мнение не о каких-либо особенных, исключительно данному субъекту принадлежащих свойствах, а лишь о качествах, которые предполагаются как правило и которые не должны отсутствовать у него. Таким образом, оно выражает только, что этот субъект не составляет исключения, тогда как слава отмечает его как таковое. Славу поэтому надо еще сначала приобрести, честь же нужно только не терять. …Отсутствие у человека славы… есть понятие отрицательное; отсутствие чести будет уже позор, нечто положительное» [1, с. 99]. Мыслитель приходит к следующему выводу: «Честь обладает лишь косвенной ценностью. Ибо… мнение о нас других лишь постольку может быть для нас важно, поскольку оно определяет или может при случае определить их поведение относительно нас» [1, с. 101].

Честь в том виде, в котором она рассмотрена выше, «встречается в качестве общего правила у всех народов и во все времена» [1, с. 110]. Однако существует особый вид чести – рыцарская честь. А. Шопенгауэр указывает, что «в одном случае получается *человек чести*, а в другом – *честный человек*» [1, с. 110]. Так, он приводит следующие принципы рыцарской чести: «Честь состоит не во мнении других о нашем достоинстве, а исключительно только в выражениях такого мнения, все равно, высказывает ли выраженное мнение то, что действительно думают о нас, или нет, не говоря уже о его основательности» [1, с. 111]; «Честь человека основана не на том, что он *делает*, а на том, что он *претерпевает*, что с ним случается. Если по принципам разобранной выше общепризнанной чести эта последняя зависит исключительно от того, что *человек* сам говорит либо делает, то рыцарская честь, напротив, зависит от того, что говорит или делает кто-либо другой. <…> …Честь каждую минуту подвергается риску быть утраченной, коль скоро кому-нибудь заблагорассудится *обругать* его…» [1, с. 112]; «Честь совершенно не имеет никакого отношения к тому, что такое человек сам по себе и для себя, или к вопросу, может ли когда-либо измениться его моральная природа… если она оскорблена или в данное время утрачена, нужно только действовать с достаточной быстротой, чтобы весьма скоро и вполне ее восстановить с помощью единственно универсального средства – дуэли. <…> Но сверх того… мы имеем еще паллиативное средство в “авантаже”. Средство это состоит в том, что, если противник был груб, мы проявляем по отношению к нему гораздо большую грубость» [1, с. 116]; «Насколько быть обруганным – позор, настолько обругать – честь. <…> Таким образом, грубость есть свойство, которое в вопросе чести заменяет или устраняет всякое другое: кто всех грубее, тот всегда прав…» [1, с. 117]; «Высший правовой трибунал, к которому при всех ссорах можно апеллировать от всякого другого, поскольку дело касается чести, – это трибунал физической силы… <…> …Сообразно этому рыцарскую честь надлежало бы называть кулачной честью» [1, с. 119]; «Если выше мы нашли гражданскую честь очень щепетильной в вопросе о моем и твоем, о принятых на себя обязательствах и о данном слове, то рассматриваемый здесь кодекс, напротив, отличается в этом отношении благороднейшей либеральностью. <…> …Существует только один долг, безусловно требующий оплаты, – долг карточный, который поэтому и носит название “долг чести”» [1, с. 119–120]. Философ обобщает свое отношение к рыцарской чести: «Беспристрастный человек сразу видит, что этот странный,

варварский и смешной кодекс чести берет свое начало не в сущности человеческой природы и не в здравом понимании человеческих отношений. Это подтверждается к тому же крайне ограниченной сферой его действия… он применяется исключительно в Европе, притом лишь со времени Средних веков, да и здесь только у дворян, военных и их подражателей» [1, с. 120]. Он дает критическую оценку современного ему общества: «Две вещи главным образом отличают общественную жизнь нового времени от общества древнего, притом в невыгодную для первой сторону, так как они придали ей серьезный, суровый, мрачный колорит, от которого была свободна древность, ясная и веселая, как утро жизни. Это – принцип рыцарской чести и венерическая болезнь, par nobile fratrum (друг друга достойные братцы. – *А. Р.*). Они сообща отравили neicos cai philian (вражду и дружбу. – *А. Р.*) жизни» [1, с. 143].

Мыслитель обращается к соотношению понятий чести и славы: «Слава и честь – это сестры-близнецы… слава – бессмертная сестра смертной чести. Это, разумеется, надо понимать лишь о славе наивысшего порядка, о действительной и подлинной славе, ибо существует, конечно, и разного рода эфемерная слава. <…> …Честь касается лишь таких свойств, какие требуются от всех находящихся в одинаковом положении; слава – лишь таких, которых нельзя требовать ни от кого. Честь имеет в виду качества, которые вправе всенародно приписать себе каждый; слава – качества, которых никто не имеет права себе приписывать. <…> На честь может притязать каждый, на славу – лишь люди исключительные, ибо слава достигается только необычайными заслугами, а эти последние опять-таки выражаются либо в *делах*, либо в *творениях*, так что к славе открыто два пути. По пути дел направляет главным образом великое сердце; по пути творений – великий ум. У каждого из этих путей имеются свои особые преимущества и невыгоды. Главная разница между ними та, что дела проходят – творения остаются» [1, с. 147]; «Если, таким образом, *честь* обыкновенно находит себе справедливых судей и не подвергается опасности со стороны зависти, так что даже ее заранее, по доверию, признают в каждом человеке, то за *славу* приходится бороться против зависти, и лавры ее раздает трибунал явно недоброжелательных судей» [1, с. 155]; «Насколько трудно поэтому достигнуть славы, настолько же легко сохранить ее. И в этом также обнаруживается ее противоположность чести. Честь признается за всяким, даже в кредит; нужно только сберечь ее. Но в этом-то и заключается вся задача, ибо достаточно одного только недостойного поступка, чтобы честь была утрачена навеки» [1, с. 157]; «Таким образом, кто только *заслуживает* славы, тот, даже не пользуясь ею на деле, обладает, бесспорно, самым главным, что может служить ему утешением в ее отсутствие. Ибо человека делает достойным зависти не то, что его считает великим лишенная рассудительности и столь часто подверженная обману толпа, а то, что он действительно велик; и высокое счастье состоит не в том, что он будет известен потомству, а в том, что в нем зарождаются мысли, заслуживающие, чтобы их хранили и передумывали в течение веков» [1, с. 162]; «Счастье его, значит, состояло в самом факте больших достоинств, стяжавших ему славу, и в том, что ему привелось развить их, то есть что у него была возможность поступать так, как ему было свойственно, и заниматься тем, чем он занимался с охотой и любовью; ибо только при таких условиях создаются творения, приобретающие посмертную славу. Счастье его состояло, следовательно, в его великом сердце или же в богатстве ума, отпечаток которого в его созданиях привлекает восхищение грядущих веков, оно состояло в самих мыслях, продумать которые стало делом и наслаждением благороднейших умов беспредельного будущего. Итак, ценность посмертной славы заключается в том, чем ее заслуживают, и это – подлинная награда за заслугу» [1, с. 163].

Пятая глава работы «Афоризмы житейской мудрости» имеет название «Паранезы и максимы» и содержит в себе наставления и принципы. Изложение материала А. Шопенгауэр предваряет объяснением построения главы: «Чтобы… внести известный порядок в великое многообразие принадлежащих сюда воззрений и советов, я распределю их на принципы всеобщие, на принципы, касающиеся нашего поведения относительно нас самих, затем на принципы нашего поведения относительно других и, наконец, на принципы нашего поведения относительно миропорядка и судьбы» [1, с. 171–172].

Сначала философ описывает три всеобщих принципа. О первом он пишет так: «В качестве высшего правила всякой житейской мудрости я признаю положение, мимоходом высказанное *Аристотелем*… O phronimos to alypon diokei, u to edy (рассудительный ищет свободы от страдания, а не того, что доставляет удовольствие. – *А. Р.*)» [1, с. 172]. Эти слова А. Шопенгауэр трактует как рекомендующие «направлять свой взор не на наслаждения и приятности жизни, а на то, чтобы, насколько возможно, избегать ее бесчисленных зол» [1, с. 173]. Он развивает свою мысль следующим образом: «…самым счастливым жребием обладает тот, кто проводит свою жизнь без чрезмерных страданий, как духовных, так и телесных, а не тот, кому достались в удел живейшие радости либо величайшие наслаждения. <…> Если же к свободному от страданий состоянию присоединится еще отсутствие скуки, то будут налицо все существенные элементы земного счастья: остальное – одна мечта. <…> Мы остаемся… в барышах, если жертвуем наслаждениями, чтобы избежать страданий. <…>

Пренебрежение к этой истине, поддерживаемое оптимизмом, служит источником многих несчастий. <…> …Надежнейшее средство, чтобы не быть очень несчастным, – это не требовать для себя большого счастья. <…> Поэтому рекомендуется умерять

свои притязания на наслаждение, обладание, ранг, честь…» [1, с. 174–179]. При этом мыслитель ссылается на основные принципы своего философского учения: «Кто же вполне усвоил учение моей философии и потому знает, что все наше бытие – нечто такое, чего лучше бы совсем не было, и что величайшая мудрость заключается в самоотрицании и самоотказе, тот не соединит больших надежд ни с какой вещью и ни с каким состоянием, ничего на свете не будет страстно добиваться и не станет много жаловаться на свои неудачи в чем бы то ни было» [1, с. 180].

Мыслитель приводит второй всеобщий принцип. Его суть сформулирована следующим образом: «Остерегайтесь строить счастье своей жизни на *широком фундаменте*, то есть предъявляя к ней слишком много требований; опираясь на такой фундамент, счастье это рушится всего легче, так как здесь открывается возможность для гораздо большего числа неудач… <…> Возможно больше понижать свои притязания в соответствии со своими ресурсами всякого рода – вот, стало быть, надежнейшее средство избежать большого несчастья» [1, с. 184].

Третий всеобщий принцип заключается в том, что «одна из величайших и самых частых глупостей… *широкие приготовления* к жизни в какой бы то ни было области» [1, с. 184]. Это связано с тем, что «…у нас не может на всю жизнь сохраняться одинаковая способность к деятельности и к радости. Отсюда происходит, что мы часто трудимся над вещами, которые, будучи наконец достигнуты, перестают уже удовлетворять нашим запросам, а также что мы посвящаем целые годы подготовке к какому-нибудь замыслу, подготовке, незаметно отнимающей у нас тем временем силы для его осуществления» [1, с. 185]. В итоге «…с нами в жизни случается то самое, что с путником, перед которым, по мере его движения вперед, предметы принимают иной вид, чем какой они имели издалека… В особенности происходит это с нашими желаниями» [1, с. 186].

Затем А. Шопенгауэр излагает принципы, касающиеся поведения человека по отношению к себе. Говоря о житейской карьере человека, он отмечает: «Чем она достойнее, значительнее, планомернее и индивидуальнее, тем нужнее и полезнее, чтобы перед его глазами время от времени появлялся ее сокращенный абрис – план» [1, с. 188]. Содержание и значение этого плана для его составителя философ разъясняет следующим образом: «…чтобы он знал, чего он, собственно, главным образом и прежде всего желает, в чем, следовательно, самое существенное условие для его счастья, а затем, что стоит на втором и третьем месте после этого. Надо также, чтобы он понял, каково в целом его призвание, его роль и его отношение к миру. Если он предназначен для важного и грандиозного, то взгляд на план своей жизни в уменьшенном масштабе более всего другого укрепит его, поддержит, возвысит, поощрит к деятельности и удержит от уклонений в сторону» [1, с. 188–189].

Важный принцип житейской мудрости состоит в правильном распределении внимания между настоящим и будущим: «Многие слишком живут в настоящем: это – легкомысленные. Другие слишком поглощены будущим: это – тревожные и озабоченные» [1, с. 190]. Философ утверждает, что люди никогда не должны «…забывать, что одно только настоящее реально и только оно достоверно… <…> …В нем исключительно лежит наше бытие» [1, с. 191]. По этой причине необходимо «не омрачать его унылым видом по поводу несбывшихся надежд в прошлом или тревогою о будущем» [1, с. 191]. Мыслитель указывает, что «мы переживаем наши лучшие дни, не замечая их: нам хочется вернуть их лишь тогда, когда наступает время скорби» [1, с. 194]. А. Шопенгауэр подкрепляет свою позицию относительно прошлого, настоящего и будущего словами таких выдающихся личностей, как Гомер и Сенека: «Но забываем мы все прежде бывшее, как ни прискорбно; гнев оскорбленного сердца в груди укрощаем по нужде» [1, с. 192]; «Помни, что дни не повторяются, что жизнь одна» [1, с. 192]. Он обращается к своему главному наставлению: «…и это единственно реальное время мы должны сделать себе возможно более приятным» [1, с. 192]. Философ говорит: «…чтобы не жертвовать покоем нашей жизни из-за недостоверных или неопределенных по времени бед, у нас должна образоваться привычка на первые смотреть, как если их никогда и не будет, а относительно последних думать, что они, наверное, постигнут нас не так уж скоро» [1, с. 192]. Предостережение от возможного нежелательного последствия такого отношения к жизни заключается в следующем: «…чем меньше тревожится человек опасениями, тем больше беспокоят его желания, страсти и притязания» [1, с. 193].

Мыслитель рассуждает о самоограничении как способе достижения счастливой жизни. Суть его принципа сформулирована так: «Всякое же ограничение, даже духовное, благоприятно для нашего счастья. Ибо чем меньше возбуждается воля, тем меньше страданий… Ограниченность сферы деятельности отнимает у воли внешние поводы для возбуждения, ограниченность духа – внутренние» [1, с. 195].

Особая значимость интеллектуальной деятельности для плодотворной и счастливой человеческой жизни подчеркнута в следующем принципе: «По отношению к нашему благу и злу все дело в последнем итоге сводится к тому, чем именно заполнено и занято наше сознание. А здесь, в общем, всякая чисто интеллектуальная деятельность дает способному к ней уму гораздо больше, чем действительная жизнь со своей непрестанной сменой удач и неудач, при своих потрясениях и терзаниях» [1, с. 196]. Автор уточняет свою позицию: «…постоянный умственный труд делает нас более или менее непригодными к заботам… действительной жизни; вот почему рекомендуется совершенно отказаться от него

на некоторое время, когда приходят обстоятельства, требующие почему-либо энергичной практической деятельности» [1, с. 196–197].

А. Шопенгауэр приводит еще один принцип: «Чтобы жить вполне *обдуманно* и извлекать из собственного опыта все те поучения, какие в нем содержатся… нужно чаще обращаться мыслью назад и делать сводку тому, что пережито, сделано, испытано и перечувствовано, а также сравнивать свои прежние суждения с теперешними, свои намерения и стремления с достигнутыми результатами и полученным от них удовлетворением. <…> Данный здесь совет имеется в виду и правилом Пифагора, по которому вечером, прежде чем заснуть, человек должен пересмотреть, что им сделано в течение дня» [1, с. 197–198]. Он отмечает, что для сохранения знаменательных моментов жизни большую пользу приносят дневники.

Суть принципа самодостаточности такова: «Довольствоваться собой самим, быть для себя самого всем во всем и иметь возможность сказать: “Omnia mea mecum porto” (все свое ношу с собой. – *А. Р.*)… конечно, благоприятствует нашему счастью…» [1, с. 199]. Философ обосновывает свою мысль от противного: «Нет более ошибочного пути к счастью, чем жизнь в большом свете, среди суеты и шума… ибо она имеет целью превратить наше жалкое существование в смену радостей, наслаждений, удовольствий, причем неизбежно разочарование…» [1, с. 199]. Рассуждение дополняется следующими положениями: «Всецело *быть самим собой* человек может лишь до тех пор, пока он один; кто, стало быть, не любит одиночества, тот не любит и свободы, ибо лишь в одиночестве бываем мы свободны» [1, с. 200]; «…что касается общительности людей, она зависит от их неспособности переносить одиночество, а в нем – себя самих. Именно внутренняя пустота и пресыщение гонят их как в общество, так и за границу, заставляют пускаться в путешествия» [1, с. 205].

Мыслитель формулирует свое отношение к зависти: «*Зависть* свойственна человеку от природы; тем не менее это – порок и одновременно несчастье. Нам надлежит поэтому считать ее врагом нашего счастья и стараться уничтожить ее как злого демона» [1, с. 220]. Для этого «мы должны чаще брать в расчет тех, кому приходится хуже нашего, нежели тех, которые, как представляется, пользуются лучшим жребием» [1, с. 220]. Приведенные выше слова относятся к активной стороне зависти. Ее пассивная сторона состоит в том, что «никакая ненависть не бывает столь непримиримой, как зависть: вот почему мы не должны неустанно и ревностно стремиться к ее возбуждению в других, напротив, мы лучше бы сделали, если бы отказались от этого удовольствия… из-за… опасных последствий» [1, с. 221].

А. Шопенгауэр учит разумной тактике действий: «Надо зрело и неоднократно обсуждать всякое предприятие, прежде чем пустить его в ход, и даже после того как все продумано самым основательным образом, остается еще отнести кое-что на долю недостаточности всякого человеческого познания, в силу чего всегда еще могут оказаться обстоятельства, выяснить или предусмотреть которые не было возможности и которые при случае подорвут весь расчет» [1, с. 222]. Приняв решение и начав действовать, «остается все предоставить своему течению и только ожидать результатов – тогда нечего терзаться, постоянно вновь обдумывая то, что уже совершено, и беспрестанно вспоминая о возможной опасности; теперь, напротив, надо считать дело вполне решенным, отказаться от всякого дальнейшего его обсуждения и спокойно довольствоваться убеждением, что мы все в свое время зрело взвесили» [1, с. 223].

Правильному отношению к жизненным неудачам посвящен следующий принцип: «При несчастном событии, которое уже наступило и не может более измениться, не следует даже допускать мысли о том, что дело могло бы сложиться иначе, а еще менее – о том, каким образом несчастье можно было бы предотвратить, ибо именно эта мысль и делает горе нестерпимым… <…> …Как это по большей части бывает, виновна… наша собственная небрежность или дерзость, то постоянная, мучительная дума о том, каким образом можно было бы избежать несчастья, является благодетельным самонаказанием…» [1, с. 224–225]. Необходимо обязательно извлечь урок на будущее: «…при явно совершенных ошибках мы не должны, как это обыкновенно делают, стараться оправдать, приукрасить или умалить их перед самими собой, а должны признаться в них и ясно представить их себе во всем их объеме, чтобы можно было принять твердое намерение избегать их в будущем» [1, с. 225].

Философ переходит к рассуждению о позиции человека в разных жизненных ситуациях, отчасти повторяя высказанные им ранее мысли: «Мы должны *налагать узду на свое воображение* во всем, что касается нашего блага или горя. …Прежде всего не надо строить никаких воздушных замков… Но еще более надо остерегаться тревожить свое сердце картинами только возможных несчастий» [1, с. 225]; «Ко всему неприятному нужно… относиться крайне прозаически и трезво, чтобы мы в состоянии были возможно легче его перенести» [1, с. 230]; «При взгляде на то, что не наше, в нас очень легко возникает мысль: “А что, если бы это было моим?” – и мысль эта заставляет нас чувствовать известное лишение. Вместо того мы чаще должны бы спрашивать: “А что, если бы это не было моим?” – я хочу сказать, что мы должны стараться по временам так смотреть на то, чем владеем, как если бы мы вспоминали о нем уже после его утраты» [1, с. 230–231]; «…большей частью потеря впервые открывает нам ценность вещей. При рекомендуемой же точке зрения на них, во-первых, обладание ими непосредственно станет для нас дороже, чем прежде, а во-вторых, мы всячески постараемся сохранить их за собой…» [1, с. 231]; «Хорошо

даже представлять себе иногда большие несчастья, какие могут нас случайно постигнуть, именно чтобы легче переносить действительно постигающие нас потом гораздо меньшие беды: мы находим утешение в мысли о худшем, которого не случилось» [1, с. 231–232]; «…когда мы что-нибудь предпринимаем, нам надлежит отвлечься от всего остального… Этим устраняется возможность того, чтобы какая-нибудь тягостная забота отравляла всякое маленькое наслаждение в настоящем и лишала нас всякого покоя…» [1, с. 232]; «Конечно, для того чтобы таким образом себя направлять и сдерживать, нужно, как и для многого другого, самопринуждение… <…> Ничто в такой мере не избавляет нас от внешнего принуждения, как самопринуждение. Это выражено в изречении Сенеки: "Si tibi vis omnia subjicere, te subjice rationi" (если хочешь взять власть над всем, отдай власть над собою разуму. – *А. Р.*)» [1, с. 233]; «Ставить предел своим желаниям, держать в узде свои страсти… словом, apechein cai anechein (воздерживаться и терпеть. – *А. Р.*) – вот правило, без соблюдения которого ни богатство, ни власть не помешают нам чувствовать себя жалкими» [1, с. 234]; «"O bios en te cinesei esti" (жизнь состоит в движении. – *А. Р.*) – с несомненным правом замечает Аристотель; и как сообразно с этим наша физическая жизнь заключается лишь в непрестанном движении… точно так же и для нашей внутренней, духовной жизни требуется постоянная работа, какое-нибудь занятие в виде действия или мыслей…» [1, с. 234]; «Делать усилия и бороться с препятствиями являются для человека такой же потребностью, как для крота рыть землю. Бездействие, порожденное абсолютным довольством длительного наслаждения, было бы ему невыносимо» [1, с. 236]; «Путеводной звездой своих стремлений надо избирать не *образцы фантазии*, а отчетливо осознанные *понятия*. В большинстве случаев, однако, происходит обратное. …Для наших решений окончательное значение имеют… не понятия и суждения, а воображение, которое рисует и отстаивает перед нами одну из альтернатив. <…> …Стоит нам только добраться до них, как они исчезают бесследно, и мы узнаем, что не получим от них решительно ничего из ими обещанного. Таковы отдельные сцены семейной, гражданской, общественной, деревенской жизни, мечты о жилище, обстановке, знаках отличия, выражениях почета… сюда же часто принадлежит и образ милой» [1, с. 237–238].

А. Шопенгауэр завершает свои наблюдения общим выводом: «…человек всегда должен сохранять власть вообще над всеми впечатлениями от наличных и наглядных предметов. <…> Где же мы не в силах совершенно преодолеть его (впечатление. – *А. Р.*) с помощью одних мыслей, там самое лучшее – парализовать данное впечатление противоположным, например, впечатление обиды – общением с лицами, которые относятся к нам с большим уважением, впечатление угрожающей опасности – реальным созерцанием того, что ей противодействует» [1, с. 238–240].

Немецкий философ начинает рассуждение о поведении человека относительно других с общего положения: «Чтобы пройти свой путь в мире, полезно взять с собой большой запас *предусмотрительности* и *снисходительности*: первая предохранит нас от убытков и потерь, вторая – от споров и ссор» [1, с. 245]. Мысль развивается следующим образом: «…мы, если желаем жить с людьми, должны каждого принимать и признавать с данной его индивидуальностью, какова бы она ни оказалась, и вправе заботиться лишь о том, чтобы извлечь из нее пользу, какую она может дать по своему характеру и свойствам; но нам не подобает ни надеяться на ее изменение, ни осуждать ее… Таков истинный смысл выражения "жить и давать жить другим"» [1, с. 246]. А. Шопенгауэр приходит к выводу: «Изменить я его не изменю, постараюсь поэтому его использовать» [1, с. 247]. Раскрытию содержания данного тезиса посвящены следующие высказывания: «…каждый может иметь для другого лишь такое значение, какое тот имеет для него» [1, с. 248]; «Никто не может видеть *выше* себя. Этим я хочу сказать: всякий усматривает в другом лишь то, что содержится и в нем самом, ибо он может постичь и понимать его лишь в меру своего собственного интеллекта» [1, с. 251].

Мыслитель дает оригинальную характеристику неодобряемого им поведения других людей. Он указывает: «Тот человек, один избранник из сотни, снискивает себе мое уважение, который, когда ему приходится чего-нибудь ждать, то есть сидеть без дела, не принимается немедленно отбивать или выстукивать такт всем, что только ему попадается в руки… Он, вероятно, о чем-нибудь думает. По многим же людям можно наблюдать, что у них зрение вполне заступило место мышления: они стараются возбудить в себе сознание своего бытия с помощью стука…» [1, с. 253].

Отношения с другими людьми описываются А. Шопенгауэром на примере уважения и любви: «*Ларошфуко* верно заметил, что трудно чувствовать к кому-нибудь одновременно и глубокое уважение, и большую любовь. Нам остается поэтому выбор: добиваться от людей любви или уважения» [1, с. 253]. Особенности данных чувств он раскрывает следующим образом: «Любовь… всегда своекорыстна, хотя и на крайне различные лады. К тому же то, чем она приобретается, не всегда бывает таково, чтобы это льстило нашей гордости. Нас любят главным образом в зависимости от того, насколько низко стоят наши претензии к уму и сердцу других, притом эти малые требования должны быть серьезны и непритворны, а также не должны зависеть просто от той снисходительности, которая имеет свой корень в презрении. <…> С уважением же людей дело обстоит наоборот: его приходится вынуждать у них против их собственного желания; именно потому они его большей частью и скрывают.

Вот почему оно дает нам в глубине души гораздо большее удовлетворение: оно стоит в связи с нашей ценностью, чего нельзя сказать непосредственно о людской любви, ибо последняя субъективна, тогда как уважение объективно. Но выгоднее для нас, без сомнения, любовь» [1, с. 253–254].

Философ анализирует, как отдельные качества человека сказываются на его поведении и отношении к другим людям. Так, он рассуждает о чрезмерной ориентации человека на самого себя, через призму которой воспринимается все происходящее вокруг: «Большинство людей настолько субъективны, что, в сущности, их ничто не интересует, кроме… их самих. Отсюда и происходит, что, о чем бы вы ни говорили, они тотчас думают о себе и всякое случайное, хотя бы самое отдаленное отношение к чему-нибудь касающемуся их личности привлекает к себе… все их внимание, так что они становятся уже не способны понимать объективное содержание речи; равным образом никакие доводы не имеют для них значения, коль скоро доводы эти идут вразрез с их интересами или с их тщеславием» [1, с. 254–255]. В этой связи А. Шопенгауэр дает совет, как воспринимать неодобрительное отношение к себе: «При всяком вздоре, который, будучи сказан на публичном собрании либо в обществе или написан в литературном произведении, находит себе благосклонный прием или, во всяком случае, не встречает опровержения, не следует впадать в отчаяние и думать, будто так останется и впредь. Надо знать и утешаться мыслью, что потом и постепенно дело будет разобрано, освещено, обдумано, взвешено, обсуждено и по большей части в заключение получит себе правильную оценку…» [1, с. 256–257].

Следующий совет связан с переоценкой личностной значимости и излишней претенциозностью: «Люди уподобляются детям в том отношении, что, если им спускать, они становятся непослушными, поэтому ни для кого не надо быть слишком уступчивым и ласковым. <…> В особенности же люди не могут выдержать мысли, что в них нуждаются: ее неразлучными спутниками бывают высокомерие и претенциозность. <…> *Превосходство* над окружающими приобретается исключительно тем, что мы ни в какой форме и ни в каком отношении не нуждаемся в других и показываем им это» [1, с. 257–258]. Об особой роли собственного жизненного опыта в оценке людей мыслитель говорит так: «То обстоятельство, что люди с более благородными задатками и высшими дарованиями так часто, особенно в юности, обнаруживают поразительное отсутствие знания людей и практического ума и потому легко попадают в обман или делают иные промахи, тогда как низменные натуры могут ориентироваться на свете гораздо быстрее и лучше… объясняется тем, что при недостатке опыта приходится судить a priori и что вообще никакой опыт не может в этом отношении соответствовать a priori. Ну а это a priori людям обыкновенного пошиба дает критерий в собственном "Я", людям же благородным и даровитым – нет… <…>

Однако и такой человек может a posteriori, то есть из чужих наставлений и собственного опыта, увидеть наконец, чего надо ждать от людей в их целом…» [1, с. 259–260]. В итоге А. Шопенгауэр делает вывод: «Прощать и забывать – значит бросать за окно приобретенный драгоценный опыт» [1, с. 263].

Тезисы одного из принципов философа касаются значимости правил. В первом утверждении констатируется их жизненная необходимость: «Нет такого характера, который мог бы обходиться собственными силами и быть всецело предоставлен самому себе: каждый нуждается в руководстве со стороны понятий и максим» [1, с. 266]. Второй тезис связан с путями вхождения правил в практику жизни: «…понять правило – одно, научиться применять его – другое. Первое достигается разумом и сразу, второе – упражнением и постепенно» [1, с. 267]. Третья мысль является предостережением от притворства: «Оно (притворство. – *А. Р.*) всегда возбуждает презрение: во-первых, как обман, который как таковой малодушен, ибо основан на страхе; во-вторых, как обвинительный приговор себе самому от себя самого…» [1, с. 268–269].

А. Шопенгауэр фиксирует внимание на отсутствии у людей должной самокритичности и предпочтительности познания своих ошибок. Его совет заключается в том, что «для познания собственных ошибок очень подходящим средством служит их наблюдение и порицание в других» [1, с. 270–271].

В очередном жизненном правиле он противопоставляет идеалистическим взглядам на отношения, в которых оцениваются личные качества, реальность жизни: «…на всякого смотрят сообразно его должности, занятию, национальности, семье, то есть вообще сообразно положению и роли, отведенным ему условностью; в зависимости от последней получает он себе место и шаблонное обращение. Что же представляет он сам по себе и для себя, то есть как человек, в силу своих личных свойств… спрашивают, лишь когда заблагорассудится и потому лишь в виде исключения…» [1, с. 271–272]. Во многом именно по этой причине «…вместо истинного уважения и истинной дружбы на свете циркулируют их внешние проявления… <…>

Истинная, подлинная дружба предполагает сильное, чисто объективное и вполне бескорыстное участие в радости и горе другого человека, а это участие, в свой черед, предполагает действительное отождествление себя с другом. Это настолько идет вразрез с эгоизмом человеческой природы, что истинная дружба принадлежит к вещам, относительно которых, как об исполинских морских змеях, остается неизвестным, принадлежат ли они к области басен или действительно где-нибудь существуют» [1, с. 272–273].

Также философ говорит о наивности человека, который «…мнит, будто обнаруживать талант и ум – это средство снискать себе любовь в обществе! Напротив,

в неисчислимо огромнейшем большинстве людей они возбуждают ненависть и злобу…» [1, с. 275]. Объяснение заключается в том, что «проявлять ум и понимание – это лишь косвенный способ ставить всем другим в упрек их неспособность и тупоумие» [1, с. 276].

В следующем принципе мыслитель подчеркивает не всегда оправданное доверие к людям и его причины: «В нашем доверии к другим очень часто огромную роль играют лень, себялюбие и тщеславие: лень, когда мы, вместо того чтобы самим исследовать, наблюдать, действовать, предпочитаем довериться другому; себялюбие, когда мы открываем другому что-нибудь под влиянием потребности говорить о своих делах; тщеславие, когда дело касается того, чем нам приятно похвалиться. Тем не менее мы требуем, чтобы доверие наше ценилось» [1, с. 278–279]. Недоверие к человеку не должно его раздражать по той причине, что «в нем содержится комплимент честности, именно искреннее признание ее великой редкости, благодаря чему она принадлежит к вещам, в существовании которых сомневаются» [1, с. 279].

Кроме того, А. Шопенгауэр поднимает тему вежливости, толкуя данное понятие как «молчаливое соглашение взаимно игнорировать слабые моральные и интеллектуальные свойства друг друга» [1, с. 279]. Особенности проявления вежливости описываются следующим образом: «Вежливость – это ум; невежливость, следовательно, глупость: без нужды и добровольно наживать себе с ее помощью врагов – безумие… Ибо вежливость, как расчетное средство, явно фальшивая монета: быть скупым на нее – значит не иметь ума… <…>

Вежливость, конечно, является трудной задачей, поскольку она требует, чтобы мы перед всеми людьми обнаруживали величайшее уважение, хотя большинство их не заслуживают никакого… Совместить вежливость с гордостью – великое искусство.

<…> Мы должны бы скорее постоянно помнить, что обычная вежливость – это просто улыбающаяся маска…» [1, с. 279–281].

Следующий принцип поведения постулируется немецким философом так: необходимо поступать сообразно своему характеру, обязательно подумав перед этим. Он замечает: «В своем образе действий не надо брать примером никого другого, так как положение, обстоятельства, отношения никогда не бывают одинаковы и так как разница в характере накладывает также особый отпечаток на поведение…» [1, с. 281–282].

Приведем некоторые принципы, касающиеся отношения человека к себе и способов представления себя другим людям: «…мы должны оставаться чуждыми для наших добрых знакомых за пределами того, что они видят собственными глазами» [1, с. 284]; «Вообще благоразумнее обнаруживать свой здравый смысл в том, о чем мы умалчиваем, нежели в том, что мы говорим. Первое есть дело ума, последнее – тщеславия» [1, с. 284]; «Даже при самом бесспорном праве на это не поддавайся соблазну самовосхваления. Ибо… нашими устами говорит тщеславие, которому недостает ума понять, насколько это смешно» [1, с. 283]; «Никакие деньги не бывают помещены выгоднее, чем те, которые мы позволили отнять у себя обманным путем, ибо за них мы непосредственно приобретаем благоразумие» [1, с. 287].

Взаимоотношениям людей посвящены следующие принципы: «Надо, если возможно, ни к кому не питать неприязни, но хорошенько подмечать и держать в памяти деяния каждого человека, чтобы по ним установить его ценность, по крайней мере, для нас и сообразно тому регулировать наше по отношению к нему поведение, постоянно сохраняя убеждение в неизменяемости характера; забыть дурную черту в человеке – это все равно что бросить с трудом добытые деньги. А это правило ограждает нас от глупой доверчивости и глупой дружбы» [1, с. 287]; «“Ни любить, ни ненавидеть” – в этом половина всей житейской мудрости; “ничего не говорить и ничему не доверять” – другая ее половина» [1, с. 287]; «Не оспаривай ничьих мнений, помни, что если бы мы захотели разубедить кого-либо во всех нелепостях, в какие он верит, то можно было бы дожить до Мафусаиловых лет, не покончив с этим» [1, с. 282]; «Надо также воздерживаться в разговоре от всех, хотя бы самых доброжелательных поправок, ибо людей задеть легко, исправить же трудно, если не невозможно» [1, с. 282]; «Подозревая, что кто-нибудь лжет, притворимся, будто мы верим ему; тогда он становится наглым, лжет еще больше, и маска спадает. Если мы, напротив, замечаем, что в чьих-нибудь словах отчасти проскальзывает истина, которую собеседник хотел бы скрыть, надо притвориться недоверчивым, чтобы, спровоцированный противоречием, он пустил в ход арьергард – всю истину целиком» [1, с. 283–284].

В заключении рассмотрения принципов о поведении по отношению к другим людям А. Шопенгауэр дает несколько советов, касающихся манеры общения с ними: «Кому желательно, чтобы мнение его было встречено с доверием, тот пусть высказывает его хладнокровно и без страстности.

<…> Ибо тщеславие – вещь настолько обычная, а заслуга – настолько необычная, что всякий раз, как мы, на взгляд других, хвалим себя, хотя бы и окольным путем, каждый готов поставить сто против одного, что нашими устами говорит тщеславие, которому недостает ума понять, насколько это смешно» [1, с. 282–283]; «Выражать свой гнев или ненависть словами либо выражением лица бесполезно, опасно, неумно, смешно, пошло. Не надо, следовательно, никогда показывать своего гнева либо ненависти иначе как на деле» [1, с. 287–288]; «Parler sans accent (говорить без ударения. – *А. Р.*) – это старое правило светских людей, рассчитанное на то, чтобы предоставлять уму других разбираться в том, что мы сказали; он работает медленно, и прежде чем

он справится с этим, нас уже нет. Напротив, parler avec accent (говорить с ударением. – *А. Р.*) – значит обращаться к чувству, а здесь все получается наоборот. Иным людям можно с вежливой миной и в дружеском тоне наговорить даже настоящих дерзостей, не подвергаясь… непосредственной опасности» [1, с. 288].

В конце главы «Паранезы и максимы» философ описывает принципы о поведении человека относительно миропорядка и судьбы. Общий тезис сформулирован следующим образом: «Какую бы форму ни принимала человеческая жизнь… в своих существенных чертах она всюду одинакова…» [1, с. 288].

Затем мыслитель переходит к рассуждению по поводу аспектов, которые определяют жизненный путь: «…наше житейское поприще… это продукт двух факторов, именно ряда событий и ряда наших решений, причем оба эти ряда постоянно друг с другом переплетаются и друг друга видоизменяют. <…> …Все, что в наших силах, – это постоянно сообразовывать решения с наличными обстоятельствами в надежде, что они будут удачны и приблизят нас к главной цели. Таким образом, по большей части события и наши основные стремления можно сравнить с двумя в разные стороны направленными силами; возникающая отсюда диагональ и представляет собой наш житейский путь. <…> Жизнь – это как бы шахматная игра: мы составляем себе план, однако исполнение его остается зависимым от того, что заблагорассудится сделать в шахматной игре противнику, в жизни же судьбе» [1, с. 290–291].

Он обращается к объяснению глубинных источников хода человеческой жизни: «…в нашей житейской карьере содержится еще нечто такое, что не подходит ни под один из указанных элементов. <…> …В главных шагах своей жизни мы руководствуемся не столько ясным пониманием того, что надо делать, сколько внутренним импульсом, можно сказать, инстинктом, который исходит из самой глубины нашего существа» [1, с. 292]. Также отмечается, что «…поступать по *абстрактным принципам* трудно и удается только после большого упражнения, да и то не всякий раз, к тому же они часто бывают недостаточны. Напротив, у каждого есть известные *врожденные конкретные принципы*… Большей частью он не знает их in abstracto и лишь при ретроспективном взгляде на свою жизнь замечает, что он постоянно их держался… Сообразно своим свойствам они направляют его к счастью или несчастью» [1, с. 293]. А. Шопенгауэр говорит о необходимости «…непрестанно держать в уме действие времени и превратность вещей и потому при всем, что имеет место в данную минуту, тотчас вызывать в воображении противоположное, то есть в счастье живо представлять себе несчастье, в дружбе – вражду, в хорошую погоду – ненастье, в любви – ненависть, в доверии и откровенности – измену и раскаяние, а также и наоборот. Это служило бы для нас постоянным источником истинной житейской мудрости, так как мы всегда оставались бы осторожными и не так легко попадали бы в обман» [1, с. 294].

Автор выделяет две возможные жизненные позиции, проводя различие между «дюжинными и способными головами», которое «заключается в том, что первые при обсуждении и оценке возможных опасностей всегда желают знать и принимают во внимание лишь *прежние случаи* подобного рода, последние же сами соображают, какие *случаи* в будущем *возможны*» [1, с. 297]. В результате он приходит к описанию третьего возможного отношения к жизни: «Наша же максима пусть будет такова: приноси жертвы злым демонам! Это значит, что не следует отступать перед известной затратой труда, времени, неудобств, обходов, денег и лишений, чтобы закрыть доступ для возможности какого-нибудь несчастья; и чем больше последнее, тем меньше, отдаленнее, невероятнее может быть эта возможность, которую следует исключить» [1, с. 297–298].

Важно отметить, что философ предостерегает людей от излишней эмоциональности при восприятии и оценке происходящего. Он подчеркивает, что «ни при каком происшествии не подобает предаваться большому ликованию или большому унынию… ввиду изменчивости всех вещей, которая каждое мгновение может все повернуть в другую сторону, частью ввиду обманчивости нашего суждения о том, что нам полезно или вредно» [1, с. 298] и советует «выработать в себе такую осторожность в предвидении и предотвращении несчастий… чтобы, подобно умной лисе, тихонько уклоняться от всякой большой и маленькой неудачи» [1, с. 299–300], а «относительно мелких неприятностей, ежечасно нас терзающих, можно думать, что они назначены как материал для нашего упражнения» [1, с. 301].

Глава «Паранезы и максимы» завершается следующими принципами: «А что люди обыкновенно называют судьбой, это большей частью просто их собственные глупые выходки» [1, с. 302]; «…наряду с благоразумием очень существенную роль для нашего счастья играет и мужество» [1, с. 303]. Они сопровождаются оговоркой: «Но и здесь все-таки возможен эксцесс, ибо мужество может вырождаться в дерзость. Для нашей устойчивости на свете необходима даже известная доля боязливости; малодушие – это лишь ее чрезмерная степень» [1, с. 304].

Таким образом, в работе «Афоризмы житейской мудрости» А. Шопенгауэр, вопреки метафизико-этической точке зрения, рассматривает житейскую мудрость в качестве искусства провести жизнь как можно приятнее и счастливее. В связи с этим изложенные рассуждения являются для него своеобразным жизнеутверждающим компромиссом. Мыслитель исходит из того, что самое важное условие для счастья – это то, что есть человек, какова его личность. Достижению счастья препятствуют два фактора – боль и скука. Первый фактор связан с состоянием здоровья, второй фактор – с внутренней пустотой.

По мнению философа, преодоление такой пустоты заключается в формировании и удовлетворении духовных потребностей, к которым относятся созерцание, размышление, чувствование, учение, чтение, изобретение, философствование, занятие поэзией, изобразительным искусством, музыкой и т. д. Человек, который следует таким путем, живет жизнью, проникнутой смыслом. Практические советы по достижению счастья даются А. Шопенгауэром в главе «Паранезы и максимы».

Библиографические ссылки

1. Шопенгауэр А. *Афоризмы житейской мудрости*. Айхенвальд ЮИ, переводчик. Москва: Рипол классик; 2016. 368 с. (PRO власть).

2. Шопенгауэр А. *Собрание сочинений. Том 1, Мир как воля и представление.* Чанышева АА, составитель; Айхенвальд ЮИ, переводчик. Москва: Московский клуб; 1992. 395 с.

Статья поступила в редколлегию 14.12.2024.
Received by editorial board 14.12.2024.